

A decorative arch at the top of the page, supported by two vertical lines on each side. The arch is formed by two parallel lines. The vertical lines are composed of several parallel lines, with small circles at the top and bottom. The arch and vertical lines are connected by curved, ornate elements at the top and bottom.

МАКС ГАВРИЛОВ

ВСЕГДА ПОДАВАТЬ
ХОЛОДНЫМ

МОСКВА

A decorative base at the bottom of the page, consisting of a horizontal line with a central ornate element and a series of parallel lines extending outwards, resembling a stylized crown or a small architectural element.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г12

Гаврилов, Макс Александрович.

Г12 Всегда подавать холодным / Макс Гаврилов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Граф Извольский. Сыщик его превосходительства).

ISBN 978-5-04-214631-2

Петербург июня 1809 года — город чиновных интриг, балов и знойных набережных. Россия зализывает раны после войн, а столица империи живет своей беспокойной жизнью. Молодой граф Андрей Извольский, недавний герой морских сражений, вынужден оставить флот по ранению и поступает на службу в Управу благочиния. Первое же поручение — расследование загадочного убийства гусара Михаила Валеви́ча. Никаких следов ограбления, никакого оружия, только странное слово «ружье», произнесенное перед смертью. Сыщик постепенно восстанавливает цепь событий и узнает, что Валеви́ч и еще семь человек некогда отбывали срок в Петропавловской крепости, а потом были освобождены. И вот по прошествии нескольких лет этих семерых кто-то начинает по порядку убивать. Граф Извольский выясняет, что убийства связаны с давними событиями, о которых предпочли бы забыть даже сами участники, ведь следы их ведут к самым верхам власти — императорской семье.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

© Гаврилов М.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214631-2

ПРОЛОГ

Мой дед был удивительным человеком. Он родился под грохот союзнических пушек недалеко от отчаянно сражающегося Севастополя. Родился за два дня до гибели своего отца, капитана второго ранга Извольского. Шел тысяча восемьсот пятьдесят пятый год, год мужества и унижения русской армии, год смертельных для самолюбия императора Николая ударов, от которых он так и не смог оправиться.

А дед выжил. Несмотря на голод военных лагерей, по которым скиталась за мужем моя прабабка, антисанитарию обозных кибиток, невыносимую, удушливую жару и запах гниющих ран, исходивший от расположенных повсюду полевых госпиталей. Они с матерью вернулись в Петербург, и воспитанием моего деда занялся... его дед. Это был семидесятилетний действительный статский советник, его сиятельство граф Андрей Васильевич Извольский. Живых свидетелей, способных хоть что-то расска-

зять об этом человеке, естественно, не осталось, но в нашей семье сохранились кое-какие намертво впечатавшиеся в мою голову легенды. Всю свою жизнь мой далекий предок занимался сыском. Его служба началась еще до войны с Наполеоном, и, по слухам, передававшимся из поколения в поколение, он имел отношение к самым знаковым и запутанным делам того времени. К несчастью, характер графа Андрея на склоне лет стал властным и жестким, а поскольку он был одержим идеей уголовного сыска в империи, то всегда мечтал видеть сына служащим Фемиды. Когда же молодой Извольский выбрал военную службу на флоте, а не гражданскую профессию юриста, старый граф окончательно перестал с ним общаться. Он сделался замкнутым и раздражительным, как все деятельные, но не ко времени состарившиеся люди, и вскоре вышел в отставку. А потом была Крымская война. Граф Андрей тяжело перенес гибель единственного сына в осажденном Севастополе, но недавно родившийся ребенок добавил в жизнь статского советника свежую струю. Старый граф взял внука (моего деда) и невестку на попечение, нанял гувернера для мальчика и ревностно следил за его воспитанием.

Павел рос в огромном особняке на Гороховой улице, недалеко от дома, где спустя полвека будет жить Распутин. Мне, человеку конца двадцатого столетия, это представляется поразительным! Детство моего деда прошло на набережной Екатерининского

канала, где он с розовыми от мороза щечками гулял со старым графом. Вот они проходят мимо Казанского собора, и маленький Павлуша Извольский считает колонны, смешно тыча пальчиком в воздух. Вот они пересекают Невский, городской почтительно вытягивается во фрунт, а мальчик смотрит голубыми чистыми глазами на серое небо Петербурга. Их идиллия закончится, когда Павлу исполнится девятнадцать. Как и много лет назад, старый граф просчитался: дед решил пойти по стопам своего отца и стать военным. И снова... злоба, неприятие и разрыв. Дело дошло до того, что граф Андрей уехал жить в Швейцарию, но через год умер. Мама рассказывала, что никаких денег он после себя не оставил: то ли швейцарцы все разворовали, то ли обида его была так сильна, что он не захотел оставить внуку денег. Впрочем, Павлу остался графский титул, особняк на Гороховой улице и чувство вины перед своим дедом. Они больше никогда не увидятся, поручик Извольский отправится в полк, и смерть графа Андрея в далекой Швейцарии застанет его на Кавказе.

Я часто гуляю вдоль канала Грибоедова, бывшего Екатерининского канала, и едва уловимые тени прошлого преследуют меня. Холодное мартовское утро. Сани, в которых едет царь. После нескольких покушений его охраняют. Рядом верховой казачий разъезд. Вот они приближаются к мосту, вокруг много людей. Они приветствуют царя. Взрыв! Оглушенный казак-возница сидит на грязном снегу, вокруг

крики, стоны раненых. Царь жив! Он медленно и как-то отстраненно бредет по тротуару... Его уговаривают уехать, но он медлит... Бредет неверными шагами вдоль парапета... Вот от толпы отделяется еще человек... Снова взрыв!

Смерть императора потрясла всю Россию. И совершенно непостижимым образом повернула жизнь нашей семьи. Моя бабушка была назначена фрейлиной при новой императрице, а Павел Извольский, уже ротмистр лейб-гвардии Преображенского полка, — адъютантом при дворе великого князя.

Они обвенчаются спустя полгода. Будут очень счастливы в браке, бабушка родит шестерых детей, здесь, в Петербурге, появится на свет и самый младший из них — мой отец, Василий Извольский.

Дед участвовал в трех войнах, брал Плевну, пережил крах русской армии в Русско-японскую и окончил службу в штабе генерала Брусилова в четырнадцатом. Революцию он встретил будучи генералом в отставке. Мама рассказывала, как во время жуткого голода девятнадцатого года бывший генерал-лейтенант, кавалер ордена Святого Владимира, георгиевский кавалер, его сиятельство граф Павел Извольский выменивал на хлеб и картошку драгоценности жены, бывшей фрейлины Ее Императорского Величества Марии Федоровны...

Дед ненавидел новые порядки, но отчего-то с пониманием относился к революции. Никогда не думал об эмиграции. Даже в самые тяжелые годы

бывший граф заявлял: «Корабль, безусловно, тонет. Но я не крыса, я член команды». Уж не знаю, как так вышло, но большевики его не тронули. Впрочем, дед оставался русским солдатом до самой смерти, он добровольно отдал старый особняк под военный госпиталь, добившись лишь, чтобы ему с семьей оставили три комнаты, и до конца своей блистательной жизни читал лекции в Артиллерийской академии РККА. Он умер от чахотки в двадцать шестом, прожив длинную, наполненную событиями жизнь. В тот день шел дождь, и крупные капли скатывались по стеклу, казалось, что плакал сам Петроград... Как плакал в тот день по отцу и старший лейтенант Василий Извольский.

У меня сохранились его довоенные фотокарточки. На одной из них выпускники той самой Академии, где преподавал дед... Отец смотрит на меня черно-белыми глазами, полными достоинства. Умное лицо, так выделяющее его из массы простодушных крестьянских лиц... Гены лейб-гвардии и былое величие сословия... По рассказам мамы, все двадцатые и половину тридцатых они скитались по гарнизонам. Первая дочь, моя сестра, умерла от полиомиелита в Туркестане. А потом был Халхин-Гол и Финская... Нападение Германии на СССР застало их в Ленинграде.

Уж не знаю, гримаса ли это судьбы или божий замысел, но войны огромной страны прокатились по нашей семье и проредили ее с разницей в сотню

лет. И вновь все повторилось. Я пришел в этот мир ровно в тот день, когда мой отец, гвардии майор Извольский, был убит снайпером где-то под Ржевом.

Мне семьдесят шесть. Больше половины своей жизни я отгонял от себя прошлое. Я, потомок графского рода, столетиями служившего империи, стыдился... Стыдился того, чем должен был дорожить и гордиться. Как же я жалел об этом теперь! Я жалел, что так мало сумел спросить у матери. Как много я должен был спросить!

Неделю назад ко мне приехал незнакомый человек. Он оказался сотрудником старейшего банка Швейцарии. С его приходом история моего дальнего предка, графа Андрея Извольского, получила новый, очень неожиданный поворот...

В 1874 году, незадолго до смерти, граф открыл в банке счет и положил на него все свои деньги. В тот же день он выкупил банковскую ячейку, в которой разместил некие ценности. По условиям договора оплата ячейки снималась с его счета. Я не знаю, что планировал мой предок, но то ли смерть пришла к нему неожиданно, то ли это был жест какой-то злой мести моему деду, но только о существовании счета и ячейки не знал никто. Шли годы и десятилетия, банк исправно снимал свои барыши, но теперь, спустя почти полтора столетия, деньги на счете закончились. Банк сделал международный запрос в российское министерство внутренних дел о ныне живых наследниках графа и получил ответ,

что Извольский Николай Васильевич, то есть я, является единственным прямым родственником, а стало быть, и наследником графа Андрея Извольского. Спустя два дня документы были заполнены, и пару часов назад все тот же сотрудник банка привез мне плотно запечатанную коробку.

Я не решался открыть. Мне предстояло взять в руки доказательства существования Атлантиды! Этого исчезнувшего удивительного мира аксельбантов и хрусталя, балов и плюмажей, титулов и золотых ливрей, мне слышалось цоканье копыт по мостовой, я чувствовал запахи... Пороха и лошадиного пота... Ладана и едкого дымка погасшей свечи...

Пальцы осторожно надорвали плотную бумагу, я освободил от упаковки большую шкатулку красного дерева. На крышке красовался графский герб. Я впервые видел свой родовой геральдический символ: красно-черный щит с золотым орлом, увенчанный дубовыми листьями... Я осторожно откинул крышку. В маленьком бархатном чехле нашел серебряную монету. На аверсе был незнакомый мне профиль и надпись: «Б. М. Константинъ I Имп. и Сам. Всеросс. 1825». На реверсе — двуглавый орел империи. На дне шкатулки я нашел записки графа Андрея. В кожаном переплете дневник, состоящий из листов, испещренных каллиграфическим почерком действительного статского советника Андрея Васильевича Извольского. Так я и узнал эту интереснейшую историю ушедшего от нас навсегда мира.

ГЛАВА 1

Вынужденная служба

Июнь тысяча восемьсот девятого года выдался в Петербурге знойным. Огромные окна в кабинете были распахнуты настежь, но тем не менее легкие занавески не улавливали ни малейшего дуновения. Следственный пристав управы благочиния города Санкт-Петербурга при недавно учрежденном высочайшим указом Министерстве внутренних дел граф Андрей Васильевич Извольский сидел, откинувшись на спинку кресла. Переварить события последних недель было нелегко.

В голову лезли обрывки щемящих сердце воспоминаний, служба на линкоре «Селафаил», бескрайнее море и режущая глаз белизна парусов. Извольский любил море и службу знал крепко. В двадцать два года он уже капитан-лейтенант, сам адмирал Сенявин прочил ему самое блестящее будущее, но флотская карьера оборвалась неожиданно, хотя и славно. Год назад, при Дарданеллах,

русский флот адмирала в результате дерзкой и доблестной атаки отправил на дно половину флота османов, потеряв в этой славной баталии менее тридцати человек. Виктория была громкой, и Извольскому было вдвойне обидней оттого, что она оказалась для него последней. Турецкое ядро во время боя попало в мачту и срикошетило на мостик, убив вестового матроса и оторвав графу два пальца на левой руке. Щепки от разбитой мачты крепко посекали ему ногу, и даже теперь, после долгого лечения, он прихрамывал. Службу на корабле пришлось оставить, Извольский даже подумывал, не уехать ли ему из Петербурга в имение к родителям, но две недели назад он получил письмо от министра, князя Куракина, с предложением должности следственного пристава с присвоением чина коллежского асессора. Оказалось, что адмирал не оставил своего любимца и порекомендовал молодого графа князю как дельного и смекалистого человека. Извольский не посмел отказать всесильному министру, да и Сенявина подводить отказом совсем не хотелось.

Первая неделя новой службы прошла в знакомствах с новыми сослуживцами, аппаратом присутствия и в чтении бесконечных указов, депеш и инструкций. Для живого и подвижного ума графа, не приученного к бесконечной бюрократии, каждый день на службе становился пыткой. Вот и сегодня он как мог оттягивал выход из дома. Наконец часы

пробили девять раз. Извольский подавил тяжелый вздох.

— Григорий! Сюртук!

— Сию минуту, ваше сиятельство!

Извольский поморщился. Уже продевая руки в рукава темно-коричневого гражданского сюртука, он спросил:

— Сколько ты у нас уже служишь, Григорий?

— Сорок два годочка, ваше сиятельство, как один день.

— Так ведь я уже как двадцать три года тебя прошу, друг мой: называй меня Андреем Васильевичем, ведь неможоту от тебя про сиятельство слышать, — улыбнулся граф. — Подай-ка перчатки. — Он натянул на левую, осиротевшую от турецкого ядра кисть шелковую, сшитую на заказ трехпалую перчатку, затем проворно надел правую. — Что там матушка? Писем не было?

— Не было писем, Андрей Васильич, знаете ведь, я б непременно известил... Только до писем ли? Весь Петербург на ушах! Глашку утром на рынок посылал, прибежала в состоянии нервическом, говорит, гусара какого-то на Галерной пристукнули...

— Григорий... — поморщился Извольский.

— Виноват, ваше си... Андрей Васильич... Жизни лишили. Говорят, генерал целый! Виданное ли дело, посреди столицы, как в вертепе каком...

Дальше можно было не слушать. Граф знал старого слугу как облупленного: Григорий не любил столицы, всей своей широкой душой обожал имение Извольского на Смоленщине и тяготился в Петербурге всем, начиная от сырого климата, заканчивая нравами и ценами на муку, сахар и «кофей». Извольский тяжело спустился с лестницы, опираясь на тонкую трость, нога дурно сгибалась, но доктора советовали ему побольше двигаться. Интересно, что же за гусар? С генеральским чином-то Григорий, конечно, погорячился, но ведь и вправду если на Галерной, то ведь это совсем недалеко от дворца...

Коляска ожидала у дверей. Ехать было минут пятнадцать, дорога проходила вдоль канала, и прохладный ветерок приятно обдувал лицо. Обычно мерный стук копыт по мостовой и широкие, правильные петербургские улицы действовали на графа успокаивающе, но не сегодня. Необъяснимое волнение, появляющееся откуда-то изнутри при возникновении опасности, завладело им.

У здания Управы было непривычно людно, едва Извольский появился в дверях, пристав шагнул к нему навстречу:

— Ваше высокоблагородие! Вас господин генерал к себе требуют!

Кабинет обер-полицмейстера Санкт-Петербурга Александра Дмитриевича Балашова располагал-

ся этажом выше, в самом конце коридора. Всюду сновали люди.

В приемной никого не оказалось, дверь в кабинет была распахнута, и Извольский шагнул внутрь. Генерал сидел за огромным дубовым столом, его большая курчавая голова гордо возвышалась над высоким, шитым золотом воротником мундира. Взгляд был отрешен и, казалось, созерцал пустоту.

— Ваше высокопревосходительство! — Извольский вытянулся во фронт и кивнул. — Вы желали меня видеть?

— Да, граф, садитесь. — Балашов кивнул на стул. — Вы, как я понимаю, уже знаете, что произошло?

— Благодарю, я постою. Нога еще дурно сгибается. Убийство?

Генерал с задумчивым видом расстегнул ворот мундира.

— Ну как знаете. Да, утром убит ротмистр Ахтырского полка. Обнаружил ямщик, он там, внизу, его пристав опрашивает. Дело шумное, сами понимаете, центр Петербурга! Вечером государю докладывать, а докладывать-то, в сущности, и нечего.

Балашов встал, заложил большие ухоженные руки за спину и подошел к окну. Убиенный нынешним утром ротмистр был непрост. Герой Аустерлица, бретер, рубака и отчаянный любитель дамских будуаров — Михаил Валевич. Входил в ближайшее окружение великого князя, о чем Балашову

час назад рассказал генерал Баур. Извольскому об этом факте биографии покойного ротмистра знать было ни к чему, целее нервная система будет и объективнее выводы. Пусть пообвыкается. Тут не флот и не гвардия, иногда и в дерьме копать приходится. Не оборачиваясь от окна, Балашов медленно выговорил:

— Я поручаю это дело вам, граф. — Он повернулся к Извольскому и посмотрел ему прямо в глаза. — Пора начинать службу по-настоящему. К вечеру ожидаю первые результаты, полагаю, вы успеете изложить версии случившегося? — Он вопросительно поднял брови.

Извольскому стало не по себе, но виду он не подал.

— Я постараюсь, Александр Дмитриевич! Вы позволите идти?

— Да, разумеется, более вас не задерживаю.

Извольский медленно спустился по лестнице, нога ныла, но он не чувствовал боли. Первое дело — и сразу убийство! С чего начать? Какие версии? Хотя, с чего начать, было, разумеется, понятно. Нужно послушать, что там болтает этот ящик. Хотя наверняка что-то обычное: проезжал, увидел, доложил... Бред какой-то. Разве об этом он мечтал? Вспомнились белые как облака, пухлые от ветра паруса, свежий и соленый ветер, ласкающий загорелое лицо. В какое решительное и героическое время он живет! Мир находится на историческом